

НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

Шабнам НУРИЕВА.

Институт по правам человека НАНА

В условиях развития современного общества этнополитические конфликты являются неотъемлемым его атрибутом. Практически в любом государстве любой социально-политический, экономический или культурный конфликт всегда в той или иной степени будет иметь этническую составляющую. Этнический фактор генерирует многие из тех острых и кризисных ситуаций, которые возникают в сфере политики, межобщинных отношений, отношений между государственными и внутригосударственными образованиями. Вследствие этого грань между социальными, внутриполитическими и этнополитическими конфликтами очень размыта и трудноопределима. [6]

События последних лет в СССР и СНГ показывают, что фактор поведенческой психологии, социально-психологические механизмы этнических конфликтов играют гораздо более важную роль, чем это представлялось в рамках традиционных интерпретаций. Конфликтная ситуация может существовать задолго до того, как произойдет прямое столкновение участников, начатое по инициативе одного из них. Чтобы конфликт начал развиваться, необходим инцидент, повод, то есть такое внешнее обстоятельство, которое является пусковым механизмом, толчком, детонатором, порождающим развитие событий. Начавшись с инцидента, конфликт затем разгорается, превращаясь в крупномасштабный, острый и затяжной. [2]

Территория бывшего Советского Союза хранит в себе большой этноконфликтный потенциал. Существование нескольких "отложенных конфликтов на постсоветском пространстве свидетельствует о том, что современная система действий стран СНГ по урегулированию этнополитических конфликтов в границах бывшего СССР становится все менее эффективной. [7] Южно-Кавказский регион в настоящее время отличается особым динамизмом этнополитических процессов, что обусловлено рядом объективных факторов. Среди них можно выделить важное геополитическое положение региона, чрезвычайно сложный этноконфессиональный состав его населения, особенности современного этнорегионального развития, территориальные аспекты межэтнических взаимоотношений. Проблема границ и территорий, сделавшая Кавказ очагом войн и конфликтов в начале и конце XX, не потеряла свою актуальность и в начале XXI века. В связи с сегодняшней политической ситуацией на Кавказе исторический опыт того периода может быть полезен при решении ряда вопросов, в том числе и территориальных.

Политическая ситуация во всех трех странах Южного Кавказа на протяжении последних полутора десятилетий характеризовалась состоянием постоянной напряженности. Для каждой из них было характерным переплетение трех основных уровней политической нестабильности глобального (переплетение интересов и давление разнородных внешних сил), внутрирегионального (противоречия по поводу принадлежности территорий и положения национальных меньшинств) и внутреннего (преимущественно негативная динамика внутриполитического развития). Особо острой для Южного Кавказа стала на протяжении последнего десятилетия проблема сепаратизма, на основе которого возникли самопровозглашенные, не признанные мировым сообществом и, практически, никем извне, не контролируемые территории. Внутренние проблемы этих территорий, как правило, остаются вне поля зрения исследователей и СМИ, что объясняется отсутствием стабильной информационной базы, противоречивостью и недостаточной достоверностью имеющихся данных.

Правильно замечено в документах, представленных авторами недавнего исследовательского проекта "Серые зоны распространения" [8], общее для этих "зон" (иногда их называют также "вакуумными зонами" или "черными дырами") - это слабость или, чаще всего, отсутствие легитимного государственного контроля. диффузия власти, сращивание или сосуществование квази-официальных структур с криминальными и террористическими группировками. Непризнанные режимы, сепаратистские движения, "прикрываются различными лозунгами о "самоопределении": на деле же под флагами своих "пиратских республик" XXI века собирают радикалов всех мастей [13] Они же являются источниками различного рода криминала и организованной преступности.

Попытки между народного сообщества взять под контроль ситуацию в "самопровозглашенных республиках" до сих пор не увенчались успехом, прежде всего, из-за фактического отказа их властей сотрудничать с руководством "малых метрополий и международными организациями. В итоге, "серые зоны" становятся оплотом различного рода криминальных структур в сфере наркотрафика и наркоторговли, отмывания "грязных денег", похищения "заложников" и торговли людьми. Особую опасность представляет их использование международными криминальными структурами в целях

незаконного оборота радиоактивных материалов и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ).

Как показывают даже те источники, которые удалось привлечь авторам упомянутого проекта, сказанное в полной мере относится к ряду территорий, расположенных в регионе Южного Кавказа, и это создает дополнительные трудности для экономического и политического становления независимых Азербайджана, Армении и Грузии. Находясь на перекрестке международных транспортных и энергетических путей, они также подвержены постоянному воздействию более крупных акторов международной политики. Представляется поэтому важным рассмотрение всех трех основных измерений политической ситуации в странах Южного Кавказа - глобального, регионального и внутреннего.

Южный Кавказ традиционно являлся узловым пунктом пересечения интересов и противоречий различных сил, военно-политических силовых центров и сверхдержав. Это обстоятельство, несомненно, оставило свой след на процессе исторического развития государств региона. Из года в год Южный Кавказ все более вовлекается в международные интеграционные процессы. Стремление стать полноправным членом международного сообщества как закрепленная на государственном уровне в странах региона цель предполагает более глубокое отражение общемировых политических процессов в жизнедеятельности государства, в том числе усиление их влияния на содержание внешней политики. Наиболее сложная проблема - это наличие в регионе затяжных, пока не находящихся своего решения конфликтов на территориях Азербайджана и Грузии, ставших основой для консервации "самопровозглашенных", не подлежащих государственному и международному контролю территорий.

Как известно, "самопровозглашенные республики" возникли на этапе распада СССР, когда наличие в его составе этнотерриториальных образований, имевших различный статус (союзные республики и находившиеся в их административном подчинении автономные республики и области), стало препятствием к утверждению власти национальных элит новых независимых государств, известная систематическим осуществлением незаконных торговых операций, а также расположенные на территории Южного Кавказа Абхазия. Южная Осетия (Цхинвали). Нагорный Карабах и прилегающие к нему оккупированные Арменией азербайджанские районы.

Вспыхнувшие в начале 1990-х годов вооруженные конфликты на территории Грузии и Азербайджана были приостановлены, однако, введенные в зоны конфликтов российские миротворческие подразделения развели не только конфликтующие стороны, но и сами территории, объективно способствуя консолидации сепаратистских режимов и образованию никем не контролируемых "серых зон". К этому добавились проблемы, связанные с появлением на Южном Кавказе громадного числа неустroенных перемещенных лиц ("вынужденных переселенцев"), изгнанных из мест своего проживания в Абхазии. Южной Осетии, Нагорном Карабахе и оккупированных областях Азербайджана. В целом для региона Южного Кавказа может стать приемлемой формула "безопасность на базе сотрудничества", суть которой сводится к тому, что государства данного региона должны понимать, что их односторонние попытки укрепить собственную безопасность могут иметь негативные последствия для них самих. [14] Немаловажным фактором является также включенность Южного Кавказа в систему трансрегиональных этнополитических отношений. Динамика южно-кавказских этнополитических процессов оказывает комплексное воздействие не только на региональное, но и на геополитическое положение страны в целом. Говоря о Южном Кавказе, как о постсоветском регионе с острейшими этнополитическими противоречиями, необходимо отметить, что геополитические, историко-культурные и экономические факторы побуждают Россию, США и ЕС участвовать в процессе урегулирования конфликтов в данном регионе и играть в этом процессе ведущую роль. Несмотря на то, что на Южном Кавказе существует достаточно большое число споров вокруг статусного определения этнических общностей, окончательно оформленными этнополитическими конфликтами в этом регионе являются три: армяно-азербайджанский нагорно-карабахский, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты.

Анализ ретроспективы этнополитических процессов в Закавказье выявил сложный характер межэтнических отношений в прошлом. Не абсолютизируя роль исторической основы конфликтов, в определенной мере источники кризисной ситуации на Южном Кавказе были заложены при образовании СССР и связаны с наследием межэтнических отношений в Российской империи.[4]

Для этнополитического пространства Закавказья почти всегда было характерно наличие весьма сложного и запутанного комплекса проблем и противоречий, которые часто становились причиной ожесточенных споров, войн, насильственных ассимиляций, депортаций. Одна из важнейших особенностей этой ситуации состояла в формировании и выживании государственного образования.

Для понимания развития армяно-азербайджанского конфликта необходимо рассматривать исторические и психологические факторы.

Армения, как административное территориальное деление и очередная "историческая родина современных армян, возникла, в итоге аннексии Южного Кавказа со стороны Российской Империи, в том числе Азербайджана Территория современной Армении никогда не входила в то географическое пространство, которое историки условно называли "Арменией". На карте Кавказского края 1799 - 1878 гг., которая была составлена в 1899 году в городе Тифлис, в военно-историческом отделе при штабе

Кавказского военного округа, видно, что современная Армения создана на основе земель Эриванского, Нахичеванского и Карабахского ханств в 1918 г., до этого они никогда не имели суверенной государственности. Карта, составленная 110 лет назад, еще раз доказывает, что хайи не являются аборигенами на этих землях.

После Гюлистанского договора (1813 г.) Россия последовательно осуществляла ликвидацию азербайджанских ханств, и в 1822 году было ликвидировано Карабахское ханство. И, когда спустя год после его ликвидации. 1823 году было составлено "Описание карабахской провинции" и, несмотря на принятие мер по отторжению отсюда азербайджанцев, в этом документе из 18.563 семей, зарегистрированных царской администрацией, только 8,4% приходилось на долю армянских меликств. В годы советской власти наряду с выселением азербайджанцев из исторических мест проживания, территория Азербайджана последовательно присоединилась к Армении. Если до мая 1920 года территория Азербайджана составляла 114 тыс. км., то впоследствии она была урезана на 28 тыс. км. И стала равной 86,6 тыс. км. Тем самым она была уменьшена в объеме, примерно равном территории Армении (29,8 тыс. км.²). [5]

Первое упоминание о новом административно-территориальном, созданном на руинах азербайджанских ханств, появилось высшим указом Сената царской России от 21 марта 1828 года, в день священного для азербайджанцев праздника Новруз. Текст документа гласил: "Силою трактата с Персией, заключенного 10 февраля 1828 года, присоединенное к России ханство Нахичеванское повелеваем во всех делах именовать отныне областью Армянской". [12]

Профессор Д. Н. Анучин говорит, что армяне племя не армянское, а скорее арменизированное. Помимо всего сказанного, далеко не все, причисляющие себя к армянам, принадлежат к коренному армянскому племени. Армянский журнал "Мурч" от 1897 года в статье "Армяне из цыган" пишет: "На свете существуют только два народа без национального языка и без отечества: это евреи (уже есть - авт.) и цыгане... Везде - в Азии или в Европе. в Старом или Новом свете цыган остается цыганом, еврей - евреем Эриванские. шемахинские, елисаветпольские и др. цыгане перестали быть цыганами, слившись с армянским элементом, ассимилировались с армянами, сохранив одну только фамилию как долгое воспоминание об их происхождении. [3] Дело массовой ассимиляции ни одному народ, не удавалось, кроме армянского. Далее русский историк оглашает свой вердикт: "Об армянах издревле сложилось плохое мнение, и это, само собой разумеется, не лишено основания. Ведь не могло же оно возникнуть у целых народов и притом в разные времена". По поводу выше упомянутого издания, автор до последних дней своей жизни подвергался самым разнообразным угрозам и шантажу со стороны армян. [9]

После завоевания Кавказа царской Россией, армяне превратились в прислужников империи в деле покорения кавказских народов. Воспользовавшись в 1826 - 1828 годах поражением Ирана, армяне массово хлынули в Южный Кавказ: сначала в Иреванское ханство, а позже в Карабах. С тех пор эти территории превратились в поле сражения.

Историческим фактом является то, что армяне были в меньшинстве на всем Кавказе до русской оккупации. По официальным данным в 1810 году в Карабахском ханстве было 12 тысяч семей. Из них всего 2500 семей были христианами-григорянами, которые по этническим признакам совершенно отличались от армян. Названия сел, в которых позже начали проживать пришлые армяне, были на азербайджанском языке.

В 1918 году, из-за военного и политического давления со стороны Запада и России, Азербайджанская Демократическая Республика, в знак "компромисса", передала город Иреван (позже переименованный в "Ереван") первой в истории армянской государственности в качестве столицы. 17 января 2008 года Президент Азербайджана Ильхам Алиев выступил с заявлением, в котором, в частности, говорилось: "В мае 1918 года передача города Иреван Армении, была крупной исторической ошибкой Иреванское ханство - это древняя азербайджанская земля, и армяне здесь являются пришлыми". [2] Профессор В. Парсамян в книге "История армянского народа. Хаястан 1801- 1900 гг." пишет: "До соединения с Россией население Восточной Армении (Иреванского ханства) составляло 169.155 человек. Из них 57.305 (33,8%) были армяне, 84.089 (49,7%) - мусульмане, 26.911 (16%) - курды и 850 (0,5%) - другие национальности. В 1918 году: после взятия Карской области Армянской Дашнакской Республикой, число населения возросло до одного миллиона 510 тысяч человек. Из них 795 тысяч были армяне. 575 тысяч - азербайджанцы. 140 тысяч были представителями других национальностей". [14]

Сам вопрос о Нагорном Карабахе связан с происхождением самой НКАО и дипломатической историей начала 20-х гг. XX века, когда она возникла. Автономная область Нагорного Карабаха (АОНК, или с 1937 г. НКАО) в составе АЗССР была образована в июле 1923 г. Ее созданию предшествовало более двух лет ожесточенных споров между руководством Советского Азербайджана (Н. Нариманов). Советской Армении (А. Мясникян), эмиссарами Центра на Кавказе (С. Орджоникидзе и С. Киров), наркомом по иностранным делам Г. Чичериным и, самое, главное, И. Сталиным, тогдашним наркомом по делам национальностей.

В карабахском конфликте мы видим несоответствие внешних, формальных и "проговариваемых" причин и причин глубинных, "не проговариваемых" и даже неосознаваемых. Внешне все представляется очень несложным. Есть НКАО. население которой на 45 % составляют армяне и которая территориально фактически примыкает к Армении, но входит в состав Азербайджана. Армяне - и карабахские, и некарабахские – считают, что это несправедливо, и на рубеже 1987 - 1988 годов начинается массовое движение армян за передачу НКАО от Азербайджанской ССР Армянской ССР. Далее разворачивается цепь событий, приведших к теперешней ситуации, когда нет уже ни Армянской ССР, ни Азербайджанской ССР, а есть независимые Армения и Азербайджан, ведущие полномасштабную, с применением танков и авиации, войну, в ходе которой убиты и бежали или были изгнаны из родных мест и в Армении, и в Азербайджане значительно больше людей, чем все население Карабаха. Сам по себе факт компактного проживания армян в Азербайджане на примыкающей к Армении территории не может быть необходимым и достаточным объяснением конфликта, ибо есть громадное количество примеров, когда ситуация - совершенно аналогична, а никаких конфликтов нет. [11] У карабахских армян, правда, были еще и многочисленные конкретные претензии к Баку (трудности с приемом ереванского телевидения, невнимательное отношение Баку к армянским историческим памятникам и то, что ряд из них азербайджанцы объявляли древнеалбанскими, а не древнеармянскими, и т.д.). Но совершенно несомненно, что положение армян в Карабахе было лучше и они обладали большими правами, чем, например, азербайджанцы, так же давно и так же компактно проживавшие в Армении, в Зангезуре, как армяне - в Карабахе, но никакой автономии вообще не имевшие. Между тем никакого движения за присоединение к Азербайджану или хотя бы за автономию армянские азербайджанцы не создали; они были в 1988 году изгнаны из Армении, и сейчас все о них позабыли. Армяне в Грузии, в Ахалкалаки, проживают так же компактно, так же на территориях, примыкающих к Армении, и точно так же не пользуются никакой автономией. Но настоящий, кровавый конфликт возник все же с Азербайджаном, а не с Грузией. Кроме того, каковы бы ни были претензии карабахских армян, приведшие к конфликту, ясно, что эти претензии абсолютно не соизмеримы с непредставимыми во время возникновения конфликта его последствиями и всеми теми страданиями, которые пришлось пережить и им, и населению Армении и Азербайджана. Армяне и азербайджанцы культурно и психологически отличаются друг от друга не меньше, чем отличались оказавшиеся в одной коммуналке семья все утративших и измученных бывших дворян и семья приехавших из деревни недавних крестьян (или семья дворника-татарина, или семья перебравшихся из бывшей черты оседлости евреев). 110]

"... Армяне - народ с очень оригинальной культурой (оригинальной, прежде всего из-за того, что его религия - это особая, армянская, ветвь христианства), очень сильным ощущением своей уникальности и ценности этой уникальности. По их мнению, когда-то, очень давно, существовали относительно большие армянские царства, воспоминание о которых одновременно и грело, и растревало душу армян в години невзгод, и которые превращались в их сознании во что-то совершенно грандиозное, разукрашивались фантазией, компенсирующей печальное настоящее грезами о прошлом и будущем. Но царства эти давно погибли, и уже многие столетия история армян - это история народа без государства, окруженного культурно чуждыми мусульманскими народами и подчиненного им. Естественно, что у этого народа - сильное ощущение несправедливости и трагичности "армянской судьбы", комплекс культурного превосходства над соседями и одновременно - страха перед их многочисленностью и физической силой, острое ощущение униженности своего положения, сложное и амбивалентное отношение к будущему. И ужас перед ним, перед неумолимостью "армянской судьбы", которая может привести к повторению "геноцида 1915 года", - и тогда время пребывания в советском общежитии будет казаться счастливым и спокойным. Смутные надежды на то, что, может быть, судьбу все-таки рано или поздно удастся переломить и стать народом, который никто топтать не посмеет, которого все соседи будут уважать и побаиваться. Такой народ - "трудные соседи", но азербайджанцы, которые сейчас искренне удивляются, чего этим соседям не хватало и для чего они все это затеяли, никогда не были в их "шкуре". Азербайджанцы - люди с совершенно иной психологией и культурой. Они обладают значительно меньшим ощущением своей национально-культурной уникальности и ее ценности, которая девальвируется в их сознании ценностью принадлежности к громадным общностям - мусульманской и тюркской и ролью маленьких - семейно-клановых и локальных общностей. У них и в помине нет ощущения, никогда не покидающего армян, что ты окружен врагами, которые могут тебя просто уничтожить. У азербайджанцев нет компенсаторских мечтаний о великой империи. Как и другие народы мусульманской культуры, азербайджанцы относительно легко принимают реальность, уходя в "быт", в интересы семей и локальных общностей. Им очень трудно сплотиться вокруг общенационального дела, и принципиальное различие между поведением армян в Карабахе и из-за Карабаха, продемонстрировавших поразительное упорство и сплоченность, и совершенно пассивным и "страдательным" поведением азербайджанцев в Зангезуре наглядно демонстрирует различия психологии этих двух народов. Не обладая армянским упорством, порожденным чувством, что беды и страдания - в некотором роде "норма", "армянская судьба", а потому надо стойко переносить их, и главное - выжить, азербайджанцы легко вспыхивают и легко гаснут. Но

азербайджанские "вспышки" могут принимать очень страшный и бессмысленный характер. В ходе конфликта армяне показали, что древняя христианская культура отнюдь не мешает совершать чудовищные зверства. У армян и азербайджанцев, если так можно выразиться, разные типы иррациональности. Иррациональность армян относится к области мечтаний, страхов и целей, которые, тем не менее, могут очень рационально и последовательно преследоваться. Иррациональность азербайджанцев - это иррациональность быстрых эмоциональных переходов от бурной и судорожной активности к "опусканию рук", принятию реальности такой, какая она есть, и погружению в "быт". Вот такие разные народы живут в кавказской "коммуналке"... И армяне, и азербайджанцы - не монстры, какими они стали изображать друг друга, но и не ангелы, какими они стали изображать сами себя, а обычные люди, но люди - очень разные, которым жить рядом - трудно, но очень легко раздражаться на соседа и думать о том, как было бы хорошо, если бы он куда-нибудь делся". [11]

Мирное урегулирование армяно-азербайджанского конфликта играет одну из ключевых ролей в межгосударственных отношениях на Центральном Кавказе. Однако нельзя не учитывать то обстоятельство, что "в иерархии исторических ценностей и национальных святынь азербайджанского народа Карабаху - не отдельной его части, нагорной или равнинной, а Карабаху в целом как единому историко-культурному, геоэкономическому, природно-хозяйственному региону всегда принадлежало и принадлежит поныне приоритетное место. Ибо Карабах один из важнейших исторических очагов этногенеза азербайджанского народа, политической истории Азербайджана; с Карабахом, наряду с другими пластами истории связывались исторические корни национальной государственности, сбережения, упрочения этнической идентичности азербайджанцев". [115]

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Cohen R. Mihalka I Cooperative Security: New Horizons for International Order Marshall Center Paper. 2001, № 3, April
2. Алиев И. //Азербайджан. 17 января 2008
3. Абдулатипов Р. Этнополитология СПб . 2004. с 68
4. Величко В. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы СПб. 1904. с 65
5. Дашдамиров А. Некоторые исторические особенности межкавказских отношений //Этнопанорама, 2002. №3-4. с 24-30
6. Иманов К. Армянские (и) н (о)ародные сказки Баку, 2009, с 76
7. Климин Д. Этнополитические конфликты теоретико-методологические подходы Ученые записки Казанского Государственного Университета. 2007. Т 149
8. Малышева Д. Конфликты в третьем мире и Содружестве независимых государств религиозный и этнический аспекты М., 1997, с 86
9. Реализован в 2003 - 2004 гг. ПИР-Центром (Москва) совместно с Центром международной политики и торговли (Джорджия, США) //Ядерный контроль. 2004. №4
10. Сочинения. Т.2, СПб, 1887, с.395-396
11. Фурман Д. Карабахский конфликт национальная драма и коммунальная склока М., 2007, с. 8.9-11
12. Центральный Государственный Исторический Архив Российской Федерации, фонд 880, опись 5, дело 389, лист 18 об.
13. Чернявская Ю. Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия. М., 2006, с. 74
14. //http://citaty.info/man/dzhordzh-bernard-shou.
15. http: //www.azerros.ru/pnhtml/pub_02 htm

DAĞLIQ QARABAĞ MÜNAQIŞƏSİ ETNOPSİXOLOGİYA KONTEKSTİNDƏ.

Şəbnəm Nuriyeva.

Məqalədə Cənubi Qafqaz regionunda münaqişəbrin, o cümlədən Ermənistanla Azərbaycan arasındakı münaqişənin yaranmasına və inkişafına təsir göstərən psixoloji amillərdən bəhs edilir. Müəllifin fikrincə, millətlərarası münaqişələrin psixoloji aspektlərinin araşdırılması təkcə ərazi deyil, həm də sırf praktiki əhəmiyyət kəsb edir. Çünki Dağlıq Qarabağ münaqişəsinin də daxil olduğu Cənubi Qafqazda baş verən bu cür münaqişələr hələ də öz həllini tapmamışdır.

NAGORNO-KARABAKH CONFLICT IN TERMS OF ETHNO-PSYCHOLOGY.

Shabnam Nuriyeva.

The article says about the psychological factors that influence emergence and development of conflicts in the Southern Caucasus including the one between Armenia and Azerbaijan. Research of psychological aspects of ethnic conflicts has not only theoretical but practical significance as well as there are still unsolved conflicts in the Southern Caucasus, the main of which is the conflict over Nagorno Karabakh.